

Валерий БОДЫЛЁВ

ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД

"Оттепель" закончилась, как это обычно не раз происходило в России, — вялым замечанием очередного "серого кардинала": "Надо подморозить". Лед сковал реку жизни, и никто не знал, что происходило там, внутри. Если все же отвлечься от исторических аллюзий и локализовать место описываемых событий, то мы выйдем на феномен "Круга" и его создателя — Юрия Михайлика. В чем заключалась необычность и, пожалуй, уникальность этого литературного клуба? Когда на смену относительно независимым писательским кружкам 20-х годов пришла громоздкая система Совписа, свобода творчества оказалась под контролем. Миновать "Спільку" на пути в литературу было невозможно, но и выжить в этом "ледяном доме", не заморозив чувства и рассудок, было не менее трудной задачей.

Когда бунтовщик Юрий Михайлик, несмотря на формальную принадлежность к секции "замороженных", открыл своего рода Телемское аббатство, в руководстве, по-видимому, посчитали, что, как и обычно, все сойдет на нет, сморщится, как проткнутый пузырь. Но история оказалась непредсказуемой — ведь Клио все-таки женщина. Гордящаяся своим статусом государственного установления, "талантами" титулованных членов, "Спілька" сдулась, не оставив каких-либо значительных имен. А вот "игра в классику" (литературы, разумеется), которую вел кастальский магистр Юрий Михайлик, оказалась серьезным делом — многие из его учеников известны в тех странах, куда они попали волею судьбы.

Здесь вполне уместны несколько соображений о судьбах поколений. Наше, на стыке 70-80-х, всю свою пассионарность за не востребованностью в других областях (политика или экономика) обратило на искусство. Многие молодые люди, совершенно не рассчитывая на то, что их усилия будут признаны, усердствовали на подмостках самодеятельных театров или раскрашивали холсты в затхлых подвалах. Скрытая мощь сжатой пружины, угрюмое молчание большой воды, подпертой завалом. Чуть заметное подрагивание почвы перед грядущими тектоническими сдвигами.

А мы были — нет, не буревиестниками над вздымающимся океаном, а скорее золотыми рыбками, аристократической форелью, мечущейся в стеклянных банках в предчувствии надвигающегося слома привычных пластов жизни. Мы толк-

лись у дна замерзшей реки — обсуждали что-то из своих новелл и поэм, обменивались мыслями о прочитанном — словом, занимались какими-то незначительными вещами. Полурастертая мгла зимней воды, серая непроницаемая толща льда. Мы не могли толком рассмотреть друг друга, да и нас не замечали.

Размеренная жизнь придонного царства, взвесь тины, мутность воды, неясность, неопределенность. Мы и представить себе не могли, что за все эти годы пребывания внутри очерченной ситуации уже сложились как личности.

В те годы подводного царства наше сознание было двойственным. С одной стороны, играя в какую-то залихватскую игру, мы все представляли себя состоявшимися, а с другой — мы все-таки сознавали, что наш "Круг" замкнут в себе самом. И тем не менее, мы строчили романы, не думая об их издании. Нигде, кроме газет, мы не печатались, пребывали в тени и поэтому появление (впервые с 20-х полувольтных годов) целого поколения литераторов, отнюдь не выпестованных "Спількой", вопреки всем ее ухищрениям, было совершенной неожиданностью.

Сборник "Вольный город" — детище ОМК — оказывается, скрывал своего рода Латинский квартал, населенный множеством интересных авторов.

Почему творчество многих из нас оказалось по-настоящему зрелым, отчасти сходным с рождением Афины? На всех наших более чем 10-летних занятиях Юрий Михайлик вел нелицеприятный и довольно жесткий разговор. Скорее всего, он знал цену каждому из нас, но авансов не раздавал — они бы повредили "юным дарованиям". Представляете молодого литератора, превознесенного до небес в условиях, когда даже стенгазеты подвергались цензуре? Поэтому успех "Вольного города" вовсе не вскружил нам головы. Искренне удивившись — "Надо же!" — мы продолжили свою учебу у Мастера, не кичась достигнутым.

Кстати, о Ю. М. мы, в общем-то, знали, что наш руководитель пишет неплохие стихи. Но один факт просто ошеломил нас. Уже перед самым отъездом вдруг выяснилось, что текст знаменитой "Эта рота", которую приписывали не то Галичу, не то Высоцкому, принадлежал Ю. М. Мы не подозревали, что большая литература все эти годы была рядом, в одном пространстве.

Но вскоре произошло так, что пространство перестало связывать нас. Правда, в утешение мы можем воскликнуть,

подобно Сенеке в письме к Луцилию: "Одно лишь время наше!". "Круг" разомкнулся — 20 его участников, включая основателя, находятся вне Одессы. Так, на Земле Обетованной оказались Белла Верникова, Сусанна и Феликс Гойхманы, Павел Лукаш, Петр Межурицкий. За океан, вслед за героями своего стихотворения "Закрытие Америки", отправилась Рита Бальмина, рыжеволосая художница с одесского Монмартра. Там к тому времени находились Анатолий Гланц и Марина Нечаева. В Нью-Йорке ей удалось попасть если не в "Круг" (он единственный), то, по крайней мере, любительский литкружок, где ей довелось встретиться с И. Бродским. Место среди американских "акул пера" нашел Дима Ярмолинец, в "Новом русском слове". Где-то в Бронксе или Манхэттене затерялись следы нашего единственного драматурга Саши Штрайхера, на квартиру которого по бывшей улице Воронского мы обычно заходили полным составом после очередного заседания клуба. Это уже позже главной и последней штаб-квартирой "круговцев" стал приют Саши Молчанова на Южной. Не так давно его видели насельником одного из монастырей Оптиной пустыни.

В Европе также оказалось несколько "круговцев". В Германии пребывают Володя Дризо и Аня Ройтбурд. Поблизости от них, в славном городе Генте, преподает славистику в местном университете молодой профессор Алексей Юдин. В Северной столице сосредоточились крупные силы учеников Мастера. Ближайший сподвижник Киры Муратовой, известный сценарист и актер по совместительству, автор засветившихся еще на союзном небосклоне новелл Сергей Четвертков. Там же проживает и Олег Томашевский, автор текстов ко многим "хитам" российской эстрады. Ольга Ильницкая, сочинительница скандальных романов, где при желании некоторые могут обнаружить и себя в том числе, работает в "Новых известиях". В другом, не менее престижном издании — "Литературной газете" — сотрудничает Маша Галина.

К сожалению, за пределами реального пространства, за рекой Стикс находится рано ушедшая Лена Гассий.

Ближе всех к родной Одессе Валерий Юхимов, поэт и редактор одного из киевских журналов. И дальше уже названных скитальцев, на земле "антиподов", в далекой Австралии — человек, когда-то объединивший нас, — Юрий Михайлик. Творец "Круга", в который нельзя вернуться, как не войти в одну реку дважды. Река течет, и это совсем другая вода — открытая и светлая. Форель разбила тяжелый и мутный лед.

Алена ТИЩЕНКО

ОТДАМ В ХОРОШИЕ РУКИ

— Подходите! Подходите! Только сегодня! Грандиозная акция! — надрыная кричала подвыпившая торговка, держа в руках необычный предмет. — Отдам сердце в хорошие руки!

— А чё за сердце? — поинтересовался подошедший мужичок.

— Любящее! Отдам только в хорошие руки. У тебя, поди, они корявые? Вон, смотри, мозоли какие. А оно — нежное и трепетное. Так что проваливай, не по Сеньке шапка!

— Подумаешь, цаца! — сказал мужичок. — На кой оно мне сдалось, сердце твое, да еще любящее? — вернулся и пошел своей дорогой.

— Люди добрые! — завопила тетка. — Неужели никто не хочет иметь у себя дома такое чудо?!

— Разоралась тут, дурра! — подошедшая бабка стала тыкать в сердце пальцами. От грубых прикосновений оно съезжилось. — Гляди-ка: живое!

— Вот и забирай, чёго думать? — предложила раскрасневшаяся торговка.

— Иди-ка ты подальше, у меня дома таких любящих пруд пруди, и всем чего-то от меня надобно. Сердце — товар бесполезный. Задаром возьмешь — проку не будет, — и старуха потрусила прочь.

— Да что же это такое! — не унималась торговка. — Гляньте, какое красивое, нежное... Принесете домой, оно вас греть будет.

— Ну-ка, покажи: что там у тебя? — солидного вида мужчина с интересом разглядывал диковинку.

— Бери, мужик, не пожалеешь, — подмигнула торговка. — Для тебя товар!

— Что, говоришь, оно умеет?

— Значит так, — зачастила продавщица, — умеет оно греть в холодную погоду, думать о тебе, заботиться. Плакать, если тебе плохо, и радоваться, когда улыбнется удача. А уж если полюбит тебя по-настоящему, будешь на небесах от блаженства. Любить оно умеет, понимаешь ты, голова?

— Отчего же его до сих пор никто не приобрел? — спросил покупатель с подозрением.

— Да тут такое дело... понимаешь, привязчивое оно слишком, в этом все горе, — неохотно сказала продавщица. — Бывает, находится сердцу хозяин, радуется сначала, но потом обязательно приносит назад. Раньше я его продавала за большие деньги. Покупатели были. Но каждый раз мужики сердце возвращали — дескать, натешились. Хватит! Вот теперь и отдаю просто в хорошие руки — тому, кто сможет оценить всю широту сердечную. Да, видать, не найдется таких смельчаков. Жаль его... — тетка так

расчувствовалась, что слезы покатались из глаз. — Ну что? — обратилась она к мужчине, стоявшему в глубокой задумчивости. — Берем товар? Или как? — на ее лице скользнула ироническая ухмылка. — Слабо?! А?

— Да иди ты! — проворчал мужчина. — Что ты тут вытворяешь? Сначала — любящее, нежное. А теперь на "слабо" давишь! Не могу я вот так, сразу... Слишком уж большая ответственность — держать в доме такое сердце. А если оно не отлипнет от меня никогда? Что тогда делать?! Предположим, надоеет мне его трепетность и нежность. Куда его тогда девать? Я же не изверг, чтобы просто так бросить сердце умирать на морозе, — он потер застывшие ладони. — Дай мне хоть подержать его...

Тетка очень бережно передала ему сердце.

— Теплое... — расплылся в улыбке мужчина.

— Вот и бери! — не унималась продавщица, в голове которой уже погасли нотки энтузиазма. Она почти умоляла мужа взять товар.

— Теплое, — опять прошептал мужчина.

Вдруг представил, как сердце будет его лелеять и холить, переживать и заботиться о нем. Именно этого так не хватает в жизни. Рутинная и быт высушили мозги. Жена внимания не обращает, дети выросли. Только и есть, что дом да работа. Никакой жизни! Но в голове сразу мелькнула мысль, что кто-то может узнать о его тайной слабости. Начнутся разборки, жена примется пилить пуще прежнего, да и дети не поймут.

— Нет, милая!.. — с трудом выдохнул он. — Возьми-ка его назад! — и нехотя передал обратно комочек почти недостижимого счастья. — Пусть этому сердцу найдется другой хозяин, я ему не... — и, махнув рукой, мужчина отправился домой, держа в левой руке полиэтиленовый пакет с торчащим из него батоном и сжав в кулак правую, — чтобы сохранить тепло того сердца.

— Люди добрые! — заголосила тетка. — Да посмотрите же вы на него: ведь сейчас замерзнет! Она укрывала сердце пахнувшей рыбой рукавицей и пошла прочь.

— Отдам любящее сердце в хорошие руки!.. Отдам любящее сердце в хорошие руки!..

Пронзительный голос продавщицы затерялся в птичьем гомоне рынка.

Я пробиралась сквозь сутолоку торговых рядов, не замечая толкающихся людей и не чувствуя боли. Еще совсем утро, а хотелось, чтобы день уже закончился. Или не начинался вовсе... Это было мое сердце.

Полина ТАРАНЕНКО

СВОБОДНАЯ ВОЛЯ

Моя боль — как металл,	и металл — как воск.	В слишком сложных законах	простых миров
Я сама — как свеча,	как свеча из олова.	Так трагично запутались	наши атомы,
Я хочу, чтобы ты	погасил мой мозг,	Нас давно бы распяли,	как двух воров,
Я хочу, чтобы ты	отрубил мне голову.	На одном из скандальных	судилищ Фатума,
Мой огонь	разлучает меня с тобой,	Если б мы позволяли	себя судить,
Но затмение	станет моим спасением,	Если б мы не носили	стальные панцири,
И тогда мы на равных	продолжим бой —	Если б нам было легче	насквозь прогнать
Безголовая Муза	с бессильным Гением.	На общественной свалке,	чем сохнуть в карцере.
Хорошо быть героем,	теснясь в строю,	Каждый день — приговор,	каждый шаг — протест,
И легко быть собой,	если ты востребован,	Каждый сон — обещание	хода крестного,
Но так трудно быть богом	в чужом раю,	Но свободная воля —	счастливым крест,
Если ад до конца	был тобой исследован.	И нести его —	честь для любого честного.

Елена МИЛЕНТИ

В ОТСУТСТВИИ НЕБА ПРОСТРАНСТВО БЕЗЗВЕЗДНО...

Буксуют мысли, дает осечку
Замерзший клапан, сдвинут прицел.
Где только можно, снег ставит метку,
Не допуская черный пробел.
И с безнадежной тупой отгадкой
С петель срыва маньячный рык,
Ветер чихнет тривиальной дракой
И на забытый рванет материк.
И я с ним вместе, вот только если

Меня выше крыш поднимет легко.
И коль колебания будут, песни
Спою, что знаю, единой строкой.
И пусть найдут со мной примиренье
Те, кто с детства со слухом в ладу.
Когда летишь, не имеет значенья,
Какую мурлычешь в эфир ерунду.

Упасть в туман, забыть, забыться,
Все мерять меркою и без

И с близорукостью убийцы
Отныне впредь поставит крест
На том, что бросово зовется
Л — многоточие. Мягкий знак.
И от чего уйти непросто,
Как в пропасть сделать верный шаг.

Наивная, глупая, старая сказка,
Но с ней оживает и радость, и грусть.
Глаза закрывая белой повязкой,

На ощупь входящей в туннель назовусь.
Где нет перспектив,
балансировать поздно,
Где есть только выход, а вход — позади.
В отсутствии неба
пространство беззвездно,
В отсутствии звезд
сквозь туннель не пройти.

Если закрыть глаза, не обретишь спасенья,
Если сдвинуть виски, боль не пройдет, и все
То, что не уместилось в одно мгновенье,
Спичкой до коробка влажного не донесешь.